
К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.В. БРУШЛИНСКОГО

УДК: 159.9.01

ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКОГО КАК ПРОЦЕССА И ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЛОГИКО-СМЫСЛОВАЯ КАРТИНА МИРА¹

© 2018 г. В. В. Знаков

ФГБУН Институт психологии РАН, 129366, г. Москва, Ярославская ул., д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях.

E-mail: znakov50@yandex.ru

Поступила 07.09.2017

Аннотация. Проанализированы научное мировоззрение и способы рассуждений А.В. Брушлинского и философа А.В. Смирнова. Несмотря на различие предметов исследования (психика субъекта и логико-смысловая картина арабо-мусульманского мира) ученые используют очень похожие способы мышления и представления о научной рациональности. Их рассуждения основаны на холистической логике и убеждениях в динамичности, изменчивости мира человека. Из их работ также следует, что для изучения сложного и многомерного мира необходим трансдисциплинарный и междисциплинарный анализ. Публикации обоих ученых соответствуют тенденциям, которые сегодня становятся ведущими в методологии социогуманитарного познания: холистическому взгляду на целостность мира человека, сопоставлению холистической логики и психологии познания, убеждению в стабильности или изменчивости мира.

Ключевые слова: холистичность, холистическая логика, психическое как процесс, картина мира.

DOI: 10.7868/S0205959218020046

В современной психологической науке происходят значительные изменения. Психологи, особенно когнитивные, ориентируясь на естественно-научные образцы исследования, десятилетиями рассматривали объективное научное знание как результат решения познавательных задач. Однако на рубеже веков перед учеными остро встал вопрос об изменении предмета исследования — возникла необходимость изучать макрофеномены и макрокатегории, никогда ранее не входившие в предметную область нашей науки. Обращение внимания на феномены, которые не имеют референтов в эмпирической реальности, — духовный потенциал личности, психическую саморегуляцию, справедливость, и др. — потребовало от психологов перехода от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического, а также смещения акцентов с результатов на способы решения, специфику интерпретации возможных вариантов творческого поиска. Например, А.В. Брушлинский использовал такую исследовательскую стратегию

при изучении нового для психологической науки макрофеномена, имеющего важное значение для психологии субъекта, — понимания-принятия или понимания-отвержения смертной казни [2].

Обращение к научному анализу макрофеноменов и, соответственно, макропроблем соответствует общему направлению развития современных социогуманитарных исследований. Методология исследований строится на анализе не только типов рациональности и способов научного мышления, но и на фокусировании внимания ученых на ключевых топосах, моделях, макропроблемах современности, например, таких как построение мировоззренческих картин мира Запада и Востока. Неудивительно, что одной из заметных методологических тенденций социогуманитарного познания является интеграция, способствующая объединению ученых разных специальностей для решения масштабных проблем современности. В этих условиях особую роль играет трансдисциплинарность: такая исследовательская стратегия, в которой основное внимание ученые разных специальностей обращают не на дисциплинарные границы своих наук, а на развитие холистического

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00334.

видения общей анализируемой проблемы. Трансдисциплинарность дает возможность исследователям расширять научное мировоззрение и рассматривать изучаемые феномены, не ограничиваясь рамками какой-либо одной научной дисциплины [5]. Конкретное (хотя все-таки частное) проявление этой тенденции — существование в российской психологической науке интегративного подхода, являющегося современным развитием идей Б.Г. Ананьева о комплексном познании психологии человека [6]. В западной психологии интегративная тенденция наиболее полно представлена в исследованиях целостности человека. Этот психологический феномен анализируется как методологический принцип — комплексность, системность познания человека, человеко-ориентированная методология; как теория метауровня; как интегральность, продукт взаимодействия разноразмерных систем; наконец, как аутентичность и зрелость личности [7].

В этом контексте важным оказывается взаимодействие психологии с философией: философы ставят фундаментальные проблемы человеческого бытия (гуманизм, надежда, одиночество и др.), а психологи, помимо этого, еще и ищут пути и способы их эмпирического изучения. Между тем сегодня в российской науке наблюдается парадокс: психологи используют в своих работах философские тексты [см., например, 2; 12], в то время как философы, обсуждая те же проблемы, игнорируют статьи и монографии психологов. Тем не менее, психологические и философские публикации позволяют взглянуть на одни и те же проблемы хотя и под несколько разными, но дополняющими друг друга углами зрения. Показательным примером может служить анализ содержательной общности концепций бывшего директора Института психологии РАН А.В. Брушлинского и нынешнего директора Института философии РАН А.В. Смирнова. Ключевыми в них являются “теория психического как процесса” [1–3] и “процессуальная логико-смысловая картина мира” [9; 10].

Суть концепции С.Л. Рубинштейна и его ученика А.В. Брушлинского заключается в том, что психическое объективно существует, прежде всего, как процесс — пластичный, гибкий и непрерывный. Психический процесс изначально не задан, он формируется, развивается. В результате формирования и развития в психике субъекта порождаются образы, состояния, чувства, понятия и т.п. “Психическое является процессом потому, что оно всегда формируется только в ходе непрерывно изменяющегося взаимодействия (деятельности,

общения и т.д.) индивида с внешним миром и, следовательно, само непрерывно изменяется и развивается, все более полно отражая эту динамичность окружающей действительности и тем самым участвуя в регуляции всех действий и поступков” [2, с. 252].

Согласно концепции А.В. Смирнова, проанализировавшего философские тексты исламских мыслителей, процессуальность — характерная особенность арабского мышления. С процессуальной точки зрения мир состоит не из вещей-субстанций, а из вещей-процессов. “Суть процессуальной логико-смысловой картины мира заключается в том, что для ее носителя мир состоит не из вещей-субстанций, которые обладают свойствами, находятся между собой в определенных отношениях и совершают какие-то действия; мир для него состоит из вещей-процессов, связывающих действующего и претерпевающее. Это значит, что он видит не солнце, которое заходит за горизонт, а закат заходящего-солнца; не стрелу, летящую в мишень, а полет летящей-стрелы в направлении того-куда-направлен-полет; не катящийся со склона камень, а качение катящегося-камня” [10, с. 137]. Далее следует пояснение: “Нам непривычно, быть может, называть вещь процессом. Но если мы понимаем под вещью нечто зафиксированное в качестве основания различения, нечто, способное стать носителем предикатов, то именно процесс должен быть назван здесь вещью. Процессуальность задает иную архитектуру сознания: оно устроено иначе, это верно; оно по-другому выстраивает полотно осмысленности” [10, с. 137].

На первый взгляд кажется, что указанные категории, относящиеся к психике индивидуально-го субъекта и целостной системе арабо-мусульманской культуры, несопоставимы по степени обобщенности. Тем не менее в способах их научного анализа двумя учеными обнаруживается много общего. И главное — это поиск новых способов познания и, соответственно, нового языка, позволяющих гармонично сочетать исследование и описание не только явных, наблюдаемых, но и скрытых, ненаблюдаемых сущностей. Новизна заключается, во-первых, в переходе от микросемантического к макроаналитическому способу анализа исследуемых явлений: этапы и макроэтапы развития мыслительного процесса, целостность и системность российской ментальности (А.В. Брушлинский); макрокультурный ареал исламского мира, макрокатегории культуры (А.В. Смирнов). Во-вторых, основанием общности научных мировоззрений и способов мышления

обоих ученых, порождающих оригинальные результаты исследований, является холистичность.

Цель статьи — проанализировать сходство и различие в исследованиях названными учеными научно значимых проблем:

1) анализ целостности как атрибута холистического характера присущего им понимания научной рациональности;

2) необходимость осознания достоинств и ограничений применения формальной дизъюнктивной (субстанциально-ориентированной) логики и континуально-генетической недизъюнктивной (процессуально-ориентированной логики смысла);

3) использование убеждений в стабильности-изменчивости мира, его субстанциальности-процессуальности.

ХОЛИСТИЧЕСКОЕ УБЕЖДЕНИЕ В ЦЕЛОСТНОСТИ МИРА ЧЕЛОВЕКА

Начиная со второй половины XX в., аналитический и холистический стили мышления людей находятся в фокусе внимания ученых, работающих в самых разных областях социогуманитарного познания. Их исследования охватывают широкий диапазон проблем — от онтогенеза индивидуального развития до кросскультурного сравнения мировоззрений жителей Восточной Азии, Западной Европы и Северной Америки. Современные научные представления об аналитичности—холистичности обобщены в теоретической модели, разработанной Р.Е. Нисбеттом с коллегами [14]. Модель включает четыре основных признака аналитического и холистического типов мышления и понимания субъектом мира: фокус внимания, отношение к противоречиям, восприятие изменений и каузальная атрибуция. Как показывают психологические исследования, креативные субъекты явно предпочитают холистический стиль мышления и способ решения задач [15]. По моему мнению, взгляды А.В. Брушлинского и А.В. Смирнова, безусловно, можно охарактеризовать как холистичные.

Что такое холизм? «Суть холизма состоит в признании уникального свойства мира быть в конечном счете неделимым и неразложимым на множества целым, как это получается в квантовой картине мира: “весь мир (включая и всех наблюдателей) в субквантовом уровне существует как неделимая единица” (Д. Бом). При этом множество разнообразных “целостностей” возникает на более высоких этажах иерархии мироздания только благодаря этой исходной целостности, как производные от

нее в разнообразных специфических условиях: такими могут быть “целостности” неорганического мира (например, атомы), целостности живого мира — организмы, и, наконец, целостности психического уровня — душа и сознание» [11, с. 300].

На убеждении в неделимости, недизъюнктивности, целостности мира человека строятся исследования обоих ученых.

Осуществляя сравнительный анализ арабо-мусульманской и западной культур, А.В. Смирнов большое внимание уделяет определению и описанию необходимого для этого понятийного аппарата: “Целостность — ни в коем случае не целое, которое сложено из частей и распадается на части, о котором спорят, равно ли оно сумме своих частей или больше их. Целостность вообще не противопоставляется части. Целостность такова, что как будто замкнута на себя; но замкнута без того, чтобы иметь сдерживающие ее границы. Ее замкнутость — не та, что предполагает отграниченность от другого, когда бы граница отделяла ее от чего-то иного в отношении нее. Исходный характер целостности не предполагает, что мы можем говорить о чем-то ином в отношении нее и вообще отделять ее от иного. Поэтому граница целостности и оказывается замкнутостью целостности на себя. Целостность раскрывает себя через обращенность к себе” [10, с. 173].

При построении логико-смысловой картины мира убеждение в его целостности играет роль одного из внутренних условий холистического мышления, потому что существует в психике познающего субъекта исходно, то есть до категориального различения вещей. Психологам, особенно когнитивистам и специалистам по психологии понимания, это напоминает вневременные, внекультурные матрицы — интерпретационные схемы, фреймы, сценарии, ментальные репрезентации и т.п. С точки зрения А.В. Смирнова, “целостность имеет дело с тем уровнем смыслополагания, когда субъектность (вещность) еще не прошла стадию становления, еще не стала. Целостность — это *логико-содержательная соотнесенность*” [10, с. 154]. В процессе построения смысловых конструкций картины мира “соотнесенность” означает, прежде всего, взаимодействие способов рассуждений. Рассуждать можно и в соответствии с аристотелевской субстанциально-ориентированной логикой, и на основании процессуально-ориентированной логики классиков арабо-мусульманской философии (удивительно резонирующей с современными методологическими тенденциями социогуманитарного познания): «Мы видим мир преимущественно

либо как собрание субстанций, либо как собрание процессов; в каждом случае нам требуется соответствующее понимание логических отношений, чтобы “собрать” именно такие вещи в целостную картину. На каждом из этих этапов целостность оказывается не достигнутой *до конца*; она остается тем, что как будто *оставило свой след*, но не осталось само. Иначе говоря, на каждом из этих условных уровней, или шагов, процедуры смыслополагания можно указать на разрывы целостности» [10, с. 155]. Целостность неразрывно связана со смыслообразованием: породить смысл — значит возвести к целостности. Последний шаг процедуры смыслопорождения — создание познающим субъектом процессуальной логико-смысловой картины мира человека в целом или арабо-мусульманской культуры в частности.

Еще раз подчеркну, что целостность является внутренним условием холистического мышления, формирующимся в психике субъекта до осознания и понимания им того, что представляет собой целое. Из этого, в частности, следует, что целостность никогда не сводится к сумме ее частей: в социогуманитарном познании, особенно в истории, фрагментарность знания не значит невозможности построения человеком целостной картины мира: «И язык, и мышление представляют собой определенные целостности. Надо понимать, что эти целостности никогда не даны как таковые, т.е. именно как целостности; мы всегда имеем дело с их развернутыми “фрагментами”. Но как черепки разбитого сосуда, обнаруживаемые археологами при раскопках, имеют смысл, складываясь в целое (причем такое целое не становится менее значимым из-за того, что какие-то его части утрачены, может быть, навсегда), так и угадываемая целостность языкового мира и мира мышления не менее значима от того, что мы всегда имеем дело с ее фрагментами, развернутыми как речь и как суждения. Целостность смысла стоит за дискурсивностью осмысленности, к которой мы получаем доступ в нашем языке и нашем мышлении» [10, с. 294–295].

В работах А.В. Брушлинского холистичность рассуждений в сочетании с аналитичностью тоже очевидна и несомненна, потому что психологический механизм анализа через синтез является основанием его континуально-генетической, недизъюнктивной теории психического развития. Анализ через синтез обеспечивает прогнозирование субъектом искомого и творческую порождающую природу мыслительной активности. В процессе ее осуществления познаваемый объект начинает

проявляться в новых свойствах и качествах, ранее не представленных индивидуальному сознанию. Роль синтеза в порождении целостного, холистического взгляда на события и явления также фундаментально обоснована: это убедительно показано в книге А.В. Брушлинского о логико-психологическом анализе мышления и прогнозирования (1979). В процессе мышления холистичность синтеза проявляется в расширении целостного контекста, в котором субъекту следует рассматривать познаваемый объект, во включении его в новые связи и отношения. В мыслительном процессе анализа через синтез объект мысленно включается в разные системы связей и проявляет в них различные качества. Вместе с тем расширение целостного контекста затрагивает и субъективные составляющие познавательного процесса. Во-первых, в целостном континууме взаимодействий субъекта с объектом сохраняется и развивается преемственность в познании. Во-вторых, поскольку в новых связях объект выступает уже в ином качестве, то “осуществляется переход на следующий, более высокий уровень мышления, вырастающий из предыдущего и вместе с тем качественно от него отличающийся. Так на основе анализа через синтез обеспечиваются взаимосвязь со всеми предшествующими этапами психического процесса и одновременно выход за их пределы” [там же, с. 209].

Целостность психики субъекта, его системность, холистичность являются ключевыми моментами многих исследований А.В. Брушлинского. Не случайно, одна из его статей называется “Целостность субъекта — основание для системности всех его качеств” [2, с. 510–523]. Безусловно, холистична и вершина его творчества — психология субъекта. По его мнению, обоснованному во многих публикациях, именно категория субъекта наилучшим образом подходит для такого целостного изучения человека, которое способствует интеграции, объединению темперамента, черт личности, характера, активности и т.д. в интегративной индивидуальности человека. “Целостность, единство, интегральность субъекта есть основание для системности всех его, часто весьма противоречивых и трудно совместимых психических качеств” [2, с. 525].

Интересно, что, как и у А.В. Смирнова, с позиции А.В. Брушлинского целостность субъекта исходна, изначальна: “Более того, любая стадия мышления как процесса формируется лишь в соотношении со всеми остальными или с большинством из них, поскольку они необходимо прогнозируются хотя бы в минимальной степени. В этом проявляется *изначальная целостность*

(системность) формирования мыслительного процесса, который возникает как бы из одного, *единого* зародыша, все более дифференцирующегося по мере своего микро- и макроразвития (отнюдь не преформированного и предопределенного)” [2, с. 196]. В этом контексте психика рассматривается как система, многомерная целостность иерархически организованных компонентов, изначально развивающихся из единого основания. Разнообразные личностные качества и уровни активности субъекта образуют целостную систему внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия на человека. Формирование и развитие психики происходит в деятельности. В результате деятельности, общения, созерцания, постижения и т.п. у человека возникают субъектные качества. “Субъект как высшая целостность означает, что на качественно новом этапе его развития соответственно видоизменяется — постепенно или сразу — система его психических процессов и свойств” [2, с. 543].

Психологические исследования субъекта развивались в направлении поиска индивидуальных и групповых отличительных признаков этого феномена, а связка “субъект—общество” уже прямо указывала психологам на необходимость обращения к анализу макропроблем и поиска новых методов их изучения. В частности, коллективные представления стали анализироваться как целостная система идей, обычаев, символов и т.д., общих для всех членов данного сообщества и потому обеспечивающих его единство. Очень значимым для отечественной психологии стал цикл исследований ментальности. Работы А.В. Брушлинского стали в нем не только заметны, но и оригинальны своей направленностью на решение глобальных проблем нашей страны, например: “Общественные движущиеся силы переместились в последнее время в России на личностный и социально-психологический уровень деятельности, сознания и поведения реальных людей как субъектов. Парадоксальным образом кризис общества и его атомизация мобилизуют все оставшееся сохранным, прежде всего целостность, системность российской ментальности, объединяющую индивидов в плане их индивидуального сознания и поведения” [2, с. 542].

Таким образом, суждение о холистичности мышления двух ученых нетрудно подтвердить цитатами из их публикаций.

ХОЛИСТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

В методологии современного социогуманитарного познания остро стоит вопрос о пересмотре соотношений между гносеологическими и онтологическими свойствами предмета познания. Он имеет давнюю историю. Со времени возникновения квантовой физики в течение всего XX в. ученые искали новый язык, позволяющий непротиворечиво описывать не только наблюдаемые сущности (для научного представления которых вполне удовлетворительным является естественный язык), но и ненаблюдаемые [8]. В. Гейзенберг говорил о том, что простые альтернативы (да или нет, бытие или небытие, добро или зло), пока они осмысливаются так, как это обычно происходит в повседневной жизни, остаются бесплодными: «Однако мы ведь знаем из квантовой теории, что в ситуации альтернативы помимо ответов “да” и “нет” существуют еще и другие ответы, находящиеся к этим двум в отношении дополнительности; в них устанавливается вероятность ответов “да” и “нет” и сверх того фиксируется известная область интерференции между “да” и “нет”, тоже обладающая информационной ценностью. Существует, таким образом, целый континуум потенциальных ответов» [4].

Сегодня некоторые ответы на поставленные вопросы можно получить, применяя холистическую логику [11]. В ней ответы строятся на пересмотре онтологического статуса объектов, включающего не только их реальное измеримое бытие, но и потенциальные, виртуальные *возможности* его проявления: “Полное описание максимально детализированного состояния физической системы представлено волновой функцией, которая, однако, как это ясно в свете вышеизложенных обстоятельств, описывает не элементы, якобы входящие в якобы множественную структуру системы, а лишь вероятности их обнаружения или получения в силу реальной неразложимости системы на множества каких-либо элементов” [11, с. 304].

Так можно ли считать онтологией не реальное существование электрона, а его вероятностное описание? И хотя здесь речь идет о сравнении реально существующего и некоторого языка, это все-таки возможно, если их рассматривать как единое целое. В целом разные его стороны не противоречат друг другу, потому что никогда не проявляются одновременно. И на этом построена холистическая логика. Она описывает системы, состоящие из двух элементов — координаты

электрона и его импульса; при этом известно, что точное значение координаты исключает сколько-нибудь определенное значение импульса, и наоборот. Оба компонента существуют и проявляют себя как один элемент, как единая и неделимая система. «Именно это свойство, препятствуя полному и исчерпывающему разложению квантовой системы на составляющие ее элементы, порождает их неизбежно вероятностное поведение и, соответственно, вынуждает нас к вероятностному описанию состояния квантовой системы» [11, с. 304].

Было бы заблуждением считать, что научная рациональность, сочетающая физическую причинность с логической (мыслимой) и направленная на порождение не физических, а логических по своей природе вероятностей, присущих квантовым системам, специфична только применительно к микромиру и не имеет отношения к макромиру человека. Обозначенная проблема выявления явных наблюдаемых и скрытых ненаблюдаемых сторон познаваемого объекта важна не только применительно к описанию микромира, она очень актуальна для А.В. Брушлинского и А.В. Смирнова. У них эта проблема проявляется в попытках вырваться из прокрустова ложа дихотомической аристотелевской логики, в понимании ограничений описания мира, возникающих при применении закона исключенного третьего. Напомню, что он состоит в том, что высказывание и его отрицание являются истинным и ложным, ни одно суждение не может быть одновременно и тем и другим. Например, истинным является высказывание: «В первой половине XX века С.Л. Рубинштейн работал в ЛГПИ им. А.И. Герцена», ложным — «В первой половине XX века С.Л. Рубинштейн не работал в ЛГПИ им. А.И. Герцена». В этом случае исключаемым третьим является суждение, в котором утверждается, что названный ученый и работал и не работал в ЛГПИ.

С гносеологической точки зрения дихотомия — неизбежный спутник начального этапа изучения любой научной проблемы (душа—тело, правдивость—лживость, маскулинность—фемининность, Запад—Восток и т.д.). Затем любой серьезный ученый приходит к осознанию того, о чем говорил Н. Бор: есть два вида истины — тривиальная, которую отрицать нелепо, и глубокая, для которой обратное утверждение — тоже глубокая истина. За осознанием следует вывод (в явном или подразумеваемом виде представленный чуть ли на каждой странице трудов А.В. Брушлинского), что в мире человека ориентация только на раздвоение, дихотомичность, дизъюнктивность может

способствовать решению ограниченного, небольшого класса задач. «Раздвоение в аристотелевском смысле действительно было бы, как справедливо писал Паули, атрибутом дьявола; непрестанно повторяясь, оно ведет лишь в хаос. Но третья возможность, выявляемая отношением дополнительности в квантовой теории, может оказаться плодотворной и ведет при своем повторяющемся воспроизведении в пространство действительного мира. Не случайно в старой мистике число «три» связывают с божественным началом. Чтобы не углубляться в мистику, можно вспомнить о гегелевской триаде: тезис—антитезис—синтез. Синтез не обязательно должен быть смесью, компромиссом между тезисом и антитезисом, но плодотворным он становится только тогда, когда из связи тезиса и антитезиса возникает что-то качественно новое» [4, с. 354]. Именно по этому пути идет А.В. Брушлинский, пытаясь с холистической мировоззренческой позиции решить фундаментальную проблему соотношения бытия и сознания: «При этом преодолеваются две крайние односторонние позиции: 1) бытие определяет, детерминирует сознание (материализм); 2) сознание, вообще психическое определяет бытие (идеализм). По отношению к обеим указанным крайностям есть наиболее перспективный, как бы «третий путь» (не золотая середина!) в решении столь фундаментальной общей проблемы детерминизма. Не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю» [2, с. 544].

Психолог признает, что есть науки, для которых отношения дизъюнктивности неизбежны и оправданы: в элементарном курсе планиметрии все треугольники дизъюнктивно подразделяются на три типа — остро-, тупо- и прямоугольные. Однако для психологии исходными и наиболее адекватными являются, наоборот, отношения недизъюнктивности. В мышлении познающего субъекта ситуация выбора из альтернатив характеризует формально-логические соотношения между продуктами, результатами мыслительного, психического процесса, но не сам этот процесс. Дизъюнктивные отношения представлены и в законе исключенного третьего, и в законе противоречия, но первый характеризует только формально-логическую, дизъюнктивную сторону мыслительной деятельности, а с помощью второго познающий субъект может реализовать еще и недизъюнктивный, диалектический ее потенциал: «Таким образом, в законе исключенного третьего все сводится к дизъюнктивности, конечности заранее заданных альтернатив, наперед исчерпывающих все актуальные

и потенциальные свойства познаваемого объекта. Тем самым здесь целиком и полностью предопределен, “запрограммирован” в качестве единственно возможного лишь дизъюнктивный тип отношений между любыми признаками объекта. В отличие от этого закон противоречия менее категоричен и более “осторожен”. Он по существу утверждает: если и когда свойства познаваемого объекта выступают в виде альтернатив, то они исключают друг друга, т.е. являются взаимонедизъюнктивными; но у объекта могут быть и бывают также и другие, более сложные свойства, и тогда отношения между ними не сводятся к дизъюнктивным. При этом закон противоречия как бы апеллирует к бесконечности объекта, не ограничивая развитие познания жестокими, предзаданными критериями и масштабами, раз и навсегда сформировавшимися в ходе исследования заведомо конечных свойств. Стало быть, этот закон во всяком случае предусматривает хотя бы возможность развития мышления, а всякое развитие, как отмечал К. Маркс, всегда осуществляется безотносительно к любому заранее установленному масштабу и, следовательно, является бесконечным в подлинном смысле слова [1].

Холистическая логика существует не в абстрактном пространстве “третьего мира” К. Поппера, а в психике конкретного субъекта, в данном случае — в научном мировоззрении А.В. Брушлинского. Несмотря на знание логического закона противоречия в научных дискуссиях и повседневной жизни ученый обычно проявлял толерантность к точкам зрения, противоположным собственной, а это явный признак холистичности мышления [14]. Он допускал, что противоположные суждения могут быть верными одновременно и что каждое, в конечном счете, может быть преобразовано в свою противоположность. Такие проявления уходят корнями в Инь—Янь (в китайской философии этим термином обозначается описание как взаимосвязанных и взаимозависимых таких явлений, которые кажутся дихотомическими, противоположными, например, свет и тьма, добро и зло). В нем противоречия согласуются, и потому два противоположных суждения могут быть одновременно приняты как потенциально правильные. Для А.В. Брушлинского наличие противоречий в психике человека были одной из аксиом, лежащих в основании психологии субъекта: “Противоречивость, двойственность индивида как субъекта проявляется, прежде всего, в том, что он всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен. Не только общество влияет на человека,

но и человек как член общества на это последнее. Он — и объект таких влияний, и субъект, в той или иной степени воздействующий на общество. Здесь не односторонняя, а именно двусторонняя зависимость — с приоритетом личности по отношению к государству и обществу” [2, с. 596]. В мышлении самого ученого аналитичность таким образом диалектически сочеталась с холистичностью, что при обнаружении противоречий он не отбрасывал ни одну из возможных альтернатив как абсолютно неприемлемую. Он признавал, что противоречивые свойства познаваемого являются хотя и полярными, но, тем не менее, неотъемлемыми качествами познавательных и социальных ситуаций.

Обоснованность теоретических рассуждений А.В. Брушлинского подтверждается эмпирическими психологическими исследованиями. К примеру, в исследованиях самопонимания С.Р. Кук-Гройтер обнаружено, что люди, достигшие высших постконвенциональных стадий самопонимания (автономной и интегративной — они проявляются у испытуемых не моложе 26 лет), считают устоявшееся стабильное самопонимание иллюзией, недостижимым и бесполезным идеалом. Они ясно осознают, что их внутренний мир не может кардинально отличаться от внешнего — неопределенного, изменчивого и многополярного. Они относятся к самопониманию как трансформации, постоянному переосмыслению точек зрения на себя. Например, испытуемый говорит: “Я — это... совокупность противоречий: я — плохой и хороший, самоуверенный и сомневающийся, равнодушный и сердечный в одно и то же время. Наверно, нет таких недвусмысленных определений, чтобы ответить на вопрос: кто я?” [13, с. 131]. Такое самопонимание не основывается на дихотомической логике: иногда я хороший, а иногда плохой. На интегративной, конструктивно осознанной стадии самопонимания, казалось бы, противоречивые рассуждения субъекта о себе в его психике объединены в единое целое. Они поняты и приняты им как две стороны одной монеты (я хороший и плохой в одно и то же время), потому что каждый концепт, по сути, может существовать как продолжение другого.

А.В. Смирнов холистическую стратегию анализа культур осуществляет на основе двух дополняющих друг друга типов логик: “*Субстанциально-ориентированный и процессуально-ориентированный взгляды логически альтернативны, но онтологически взаимно дополнительные*. Каждый из них улавливает то, что не под силу уловить другому. При этом субстанциальный и процессуально-действенный аспекты

необходимо присутствуют в мире, поэтому каждая из перспектив дает нам незаменимо-истинное знание о мире” [10, с. 383]. Субстанциально-ориентированное аристотелевское мышление (логика) ищет устойчивость и законосообразность мира в вещах и действиях с ними. Для классической арабо-мусульманской культуры типична процессуально-ориентированная логика, направленная на открытие устойчивости связи между действующим и результатом действия. “Что такое процессуальный тип мышления, процессуальная логика? Здесь мы встречаемся с таким взглядом на мир, который отталкивается от понимания мира как многообразия действий... Действия не могут не быть привязаны к действующему...; это значит, что процессуально-ориентированный взгляд видит мир не просто как многообразие действий, но как многообразие действий-действующего” [10, с. 227]. Главное отличие процессуально-ориентированной логики от субстанциально-ориентированной состоит в признании реального существования не только объектов и действующего с ними субъекта, но и онтологического статуса самого процесса взаимодействия. “Такое признание невозможно для субстанциально-ориентированного взгляда, но оно принципиально для процессуально-ориентированного мышления” [10, с. 227].

Так же как А.В. Брушлинский, А.В. Смирнов отмечает правомерность применения в субстанциальной формальной логике законов исключенного третьего и противоречия. Вся история европейской логики имеет своим источником представление о том, что эту науку можно строить только на основе субстанциального взгляда на мир. Однако логические законы не должны пониматься как имеющие исключительно формальную природу: необходим логико-смысловой подход, вскрывающий зависимость логических законов от содержательного аспекта рассуждений. Человек видит вещи вариативно, и это логико-смысловая вариативность, вытекающая не из сути вещей или даже сути мира, а из целостной структуры смыслополагания. Целостность смыслополагания может определяться как субстанциально-ориентированной, так и процессуально-ориентированной перспективами. При этом переключение фокуса внимания ученого с одной на другую не приводит к конфликту законов двух логик.

Смыслополагание не только целостно, но и процессуально. Процессуальная логика дает возможность объяснять культурные феномены таким образом, который невозможен в формальной. А.В. Смирнов показывает это на примере соотношения намерения

и действия. Он делает вывод, что «закон противоречия “А не есть не-А” не выражает соотношение “намерения” и “действия”. Нам остается разобрать применимость закона исключенного третьего “А есть либо В, либо не-В” для описания соотношения “намерения” и “действия”. Что этот закон мог бы быть применим, следует из того, что “намерение” и “действие” не тождественны, это не одно и то же, а значит, они могли бы мыслиться в качестве противоположностей. В таком случае мы могли бы говорить, к примеру, что “человек либо намеревается, либо действует”, и если бы такое утверждение было допустимо, это бы свидетельствовало о релевантности закона исключенного третьего для описания соотношения “намерения” и “действия”. Однако мы уже знаем, что такое утверждение невозможно: нельзя либо намереваться, либо действовать, поскольку только переход намерения в действие, исключаящий такое “либо”, сохраняет намерение намерением, а действие действием. Кроме того, закон исключенного третьего предполагает, что “В” и “не-В” образуют род, истинный либо мнимый (в смысле Аристотеля), а это условие, как мы видели, не выполняется для “намерения” и “действия”. В силу этого закон исключенного третьего также нельзя признать отражающим логическую интуицию, обосновывающую соотношение “намерения” и “действия” в этических рассуждениях в арабо-мусульманской культуре» [10, с. 223–224]. Законы тождества, противоречия и исключенного третьего тоже не могут описать отношения между намерением и действием.

УБЕЖДЕНИЯ В СТАБИЛЬНОСТИ ИЛИ ИЗМЕНЧИВОСТИ МИРА

Для А.В. Брушлинского диалектическая изменчивость природного и социального миров (включающих, в том числе, и не изменяющиеся в течение какого-то времени объекты) была аксиомой. Неудивительно, что он рассматривал мышление как “отражение непрерывно меняющихся существенных условий жизни” [2, с. 374]. По А.В. Брушлинскому, живой, реальный мыслительный процесс всегда есть непрерывное взаимодействие осознанного и неосознанного. Сначала он воплощал эту идею в микросемантическом анализе решения испытуемым задачи (будет ли гореть свеча в космическом корабле в условиях невесомости?). Затем использовал ее, применяя макроаналитический метод, при котором психолог вычленяет в качестве единиц анализа психического интегративные образования, отражающие обобщенные схемы трансформированного в течение

жизни индивидуального и коллективного опыта человека (такими единицами являются события и ситуации).

Изучая психологию субъекта в изменяющемся обществе, А.В. Брушлинский обращал пристальное внимание на события и явления общественной жизни: «Уходящий в историю XX век — наиболее динамичный и самый насыщенный величайшими событиями. Эпохальные научные открытия и технические достижения, гибель в результате войн и террора сотен миллионов людей, развитие демократии (в одних странах) и тоталитаризма (в других), сложнейшие взаимоотношения между так называемым “золотым миллиардом” и другими миллиардами людей, населяющих нашу планету, опасность глобальной экологической катастрофы, принятие Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Всеобщей Декларации прав человека, информационные войны и т.д. — вот лишь некоторые из многочисленных особенностей заканчивающегося столетия. Еще более событийным оно было для нашей страны: войны и революции, победа над гитлеровским фашизмом, распад Советского Союза, неоднократная и резкая смена власти, собственности, идеологии и т.д.» [2, с. 591].

Для А.В. Смирнова диалектика изменений также очевидна, потому что в арабской культуре бытие рассматривается не как субстанция, сущность, а как возникновение. Бытие — не сущность, а процесс. В арабском языке нет глагола “быть”, а есть глагол “возникать”. У арабов вещь — это и субстанция, и действие, протекание. Протекание не имеет пространственного характера, оно не может быть проиллюстрировано. В арабской культуре в отличие от западной нет дихотомии души и тела, они всегда связаны, но связаны через Я. Это потому, что в исламской культуре иная логика: есть противопоставление, но нет дихотомизации (земного и небесного, церковного и светского). Это касается архитектуры, поэзии и многого другого. С этой точки зрения иначе, чем в западном мышлении, определяется действительность. Чем является действительность, что есть на самом деле? В действительности есть некий нерасчлененный поток, который наше сознание организует либо субстанциально, либо процессуально [9; 10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проделанный анализ позволяет сделать два главных вывода. Во-первых, несмотря на различие предметов исследования — психики субъекта и логико-смысловой картины арабо-мусульманского

мира — ученые используют очень похожие способы мышления и почти тождественные представления о научной рациональности. Способы мышления и представления о рациональности основаны на холистической логике, сравниваемой с формальной, а также на выявлении недостатков и достижений последней. Исследования показали, что для описания современного изменчивого мира континуально-генетический метод, недизъюнктивная процессуально-ориентированная логика выглядят более предпочтительными, чем дизъюнктивная субстанциально-ориентированная. Это, конечно же, не отрицает того, что традиционная аристотелевская логика по-прежнему применима по отношению ко многим областям реальности, преимущественно эмпирической. Во-вторых, говоря об активном интересе обоих ученых к динамике, изменчивости, недизъюнктивности природного и социального мира, можно утверждать, что они в значительной мере предвосхитили те тенденции, которые сегодня становятся ведущими в методологии социогуманитарного познания. Применительно к социальному миру необходимо отметить, что в основании новой парадигмы лежит революционная мысль о том, что мир человека состоит не из стабильных объектов, а из динамично развивающихся событий. Для изучения такого сложного и многомерного мира необходимы трансдисциплинарный и междисциплинарный анализы. С этой позиции взаимодействия философов, психологов и ученых других специальностей, безусловно, важны и перспективны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.—Воронеж: Академия педагогических и социальных наук, 1996.
2. *Брушлинский А.В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
3. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта / Под ред. В.В. Знакова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”. СПб.: Алетей, 2003.
4. *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989.
5. *Гусельцева М.С.* Психология и новые методологии: эпистемология сложного // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 11. URL: <http://psystudy.ru>.
6. *Интегративный подход к познанию психологии человека / Под ред. Е.Ю. Коржовой.* СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2017.
7. *Казанцева Т.В.* Подходы к проблеме целостного человека в современной западной психологии //

- Петербургский психологический журнал. 2016. № 17. <http://ppj.spbu.ru/index.php/psy/article/view/139>
8. Мамчур Е.А. Ненаблюдаемые сущности современной физики: социальные конструкты или реальные объекты? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 106–123.
 9. Смирнов А.В. Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство. М.: ИФРАН, 2005.
 10. Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015.
 11. Цехмистро И. Холистическая (не теоретико-множественная) логика // Культура народов Причерноморья. 2007. № 106. С. 298–305.
 12. Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
 13. Cook-Greuter S.R. Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults // Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development / Ed. by M.E. Miller, S.R. Cook-Greuter. London: Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 1994. P. 119–143.
 14. Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // Psychol. Rev. 2001. V. 108. № 2. P. 291–310.
 15. Zhang L.F. Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance // Educ. Psychol. 2002. V. 22. № 3. P. 331–348.

THEORY OF MENTAL AS PROCESS AND LOGICAL-SEMANTIC WORLD PICTURE¹

V. V. Znakov

Federal State-financed Establishment of Science Institute of Psychology RAS;

129366, Moscow, Yaroslavskaya st., 13, Russia.

Sc.D. (psychology), chief research officer, professor, laboratory of psychology of subject development in normal and post-traumatic states.

E-mail: znikov50@yandex.ru

Received 07.09.2017

Abstract. Scientific outlooks and types of reasonings of the psychologist A.V. Brushlinsky and the philosopher A.V. Smirnov are analysed, two conclusions are drawn. First, despite the differences in subjects (the psyche of the subject and the logical-semantic picture of the Arab-Muslim world), scientists use very similar ways of thinking and understanding of scientific rationality. Their reasonings are based on holistic logic and beliefs in dynamism, variability of the world of the person. Secondly, follows from their works that transdisciplinary and cross-disciplinary analyses are necessary for studying of the difficult and multidimensional world. The publications of both scientists are supported by the trends which are now becoming mainstream in the methodology of humanitarian knowledge.

Keywords: holistic whole, holistic logic, mental as process, world picture

REFERENCES

1. Brushlinskiy A.V. Sub'ekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie. Moscow-Voronezh: Akademiya pedagogicheskikh i sotsialnykh nauk, 1996. (in Russian)
2. Brushlinskiy A.V. Izbrannyye psichologicheskie trudy. Moscow: Izd-vo “Institut psichologii RAN”, 2006. (in Russian)
3. Brushlinskiy A.V. Psichologiya sub'ekta / Ed. V.V. Znakov. Moscow: Izd-vo “Institut psichologii RAN” — St. Petersburg: Aleteyya, 2003. (in Russian)
4. Geyzenberg V. Fizika i filosofiya. Chast i tseloe. Moscow: Nauka, 1989. (in Russian)
5. Guseltseva M.S. Psichologiya i novyye metodologii: epistemologiya slozhnogo // Psichologicheskie issledovaniya. 2015. V. 8. # 42. P. 11. URL: <http://psystudy.ru>. (in Russian)
6. Integrativnyy podhod k poznaniyu psichologii cheloveka / Ed.E. Yu. Korzhova. St. Petersburg: Izdatelstvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2017. (in Russian)
7. Kazantseva T.V. Podhody k probleme tselostnogo cheloveka v sovremennoy zapadnoy psichologii // Peterburgskiy psichologicheskiy zhurnal. 2016. # 17. <http://ppj.spbu.ru/index.php/psy/article/view/139>. (in Russian)
8. Mamchur E.A. Nenablyudaemye suschnosti sovremennoy fiziki: sotsialnyye konstrukty ili realnyye ob'ekty? // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2017. V. 51. # 1. P. 106–123. (in Russian)

¹ This work is supported by RFBR, project № 16-06-00034

9. *Smirnov A.V.* Logiko-smyslovyye osnovaniya arabo-musul'manskoy kulturyi: semiotika i izobrazitel'noe iskusstvo. Moscow, 2005. (in Russian)
10. *Smirnov A.V.* Soznanie. Logika. Yazyik. Kultura. Smyisl. Moscow: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2015. (in Russian)
11. *Tsehmistro I.* Holisticheskaya (ne teoretiko-mnozhestvennaya) logika // Kultura narodov Prichernomorya. 2007. # 106. P. 298–305. (in Russian)
12. *Yurevich A.V.* Metodologiya i sotsiologiya psihologii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. (in Russian)
13. *Cook-Greuter S.R.* Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults // Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development / Ed. by M.E. Miller, S.R. Cook-Greuter. London: Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 1994. P. 119–143.
14. *Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // Psychol. Rev. 2001. V. 108. № 2. P. 291–310.
15. *Zhang L.F.* Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance // Educat. Psychol. 2002. V. 22. № 3. P. 331–348.